

Е.В. Баев,

Московский городской педагогический университет,

г. Москва, Россия.

E-mail: astrum.virtu@gmail.com

Особенности употребления темпоральной лексики в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв»

Статья представляет компаративное исследование темпоральной лексики в двух романах, написанных Иваном Гончаровым. В ней рассмотрены некоторые закономерности употребления темпоральной лексики на примере номинативной темпоральной лексики. Описаны главные отличия в употреблении слов «секунда», «минута» и «час» с помощью метода частотного анализа. Отличия рассмотрены с позиции семантики лексем и их синтаксической роли. Темпоральная лексика в романах Гончарова склонна присоединять качественные характеристики и частично утрачивать темпоральную семантику и (или) семантику точного времени. Роль номинативной лексики со значением точного времени возрастает в романе «Обрыв» по сравнению с романом «Обломов».

Ключевые слова: история русского литературного языка; семантика слов со значением времени; темпоральная лексика.

Е. Ваев

Features of the Usage of Temporal Lexis in the Ivan Goncharov's Novels «Oblomov» and «The Precipice»

The article presents the comparative research of the temporal lexis in the two novels written by Ivan Goncharov. It examines some of the patterns of use of temporal lexicon on the example of nominative temporal words. It describes the main differences in the use of the words «second», «minute» and «hour» using a frequency analysis method. Those differences are analyzed from the perspective of studying words' semantic and their syntax roles. Temporal lexicon in the novels Goncharov inclined to attach qualitative characteristics and partially lose temporal semantics and (or) semantics of the exact time. The role of the nominative lexis with precise time semantics increases in the novel «Obryv» in comparison with the novel «Oblomov».

Keywords: history of Russian literature language; lexica of time semantics; temporal words.

Творчество И.А. Гончарова занимает одно из центральных мест в русской литературе XIX века, что делает изучение языковых особенностей его произведений чрезвычайно актуальным и интересным в рамках исследования проблем становления и развития современного русского литературного языка. Романная трилогия Гончарова (1847 — «Обыкновенная история», 1859 — «Обломов», 1869 — «Обрыв») как нельзя лучше позволяет проследить тенденции этого развития в текстах, рожденных одним и тем же языковым сознанием, но значительно разнесенных во времени и, по сути, представляющих три временных языковых среза центральных десятилетий XIX века. Целью данной статьи стало изучение особенностей отражения в двух романах трилогии одного из лексических пластов — номинативной темпоральной лексики. Был поставлен ряд взаимосвязанных задач: во-первых, проследить особенности отражения данной лексической группы в конкретном тексте в соотношении с нормативным употреблением, зафиксированным в словаре 1847 года; во-вторых, сравнить наполнение группы и семантику лексем в «Обломове» и «Обрыве» и на той основе, в-третьих, изучить отражение эволюции русского литературного языка в языковом сознании автора этих романов как носителя русского языка.

С грамматических позиций темпоральная лексика (лексика с временным значением и ролью временного показателя) в «Теории функциональной грамматики» (ТФГ) А.В. Бондарко (во втором томе, в главе первой «Темпоральность») рассмотрена в рамках изучения функционально-семантического поля темпоральности, более конкретно — его периферии, еще более конкретно — дальней периферии. В ТФГ данная лексика объединена под общим названием «лексические обстоятельственные конкретизаторы темпоральных отношений» [1: с. 53]. Лексемы, характеризующие временной дейксис, но не имеющие устойчивой структурной (синтаксической) характеристики (как обстоятельственная роль у вышеназванной группы лексем) были выделены А.В. Бондарко в особую, отдельную группу лексем как средства передачи темпоральных отношений с пометой «контекстуальные» [1: с. 55]. Для лексических обстоятельственных конкретизаторов А.В. Бондарко выделяет следующие два типа

функций [1: с. 53]: функцию дополнительной конкретизации дейктических темпоральных отношений, которые выражаются грамматическими формами времени, и функцию основного обозначения темпоральной отнесенности в тех случаях, когда предикат не имеет собственной устойчивой предикатной характеристики. Несмотря на свою «периферийность», темпоральная лексика играют важную конкретизирующую роль по отношению к «обобщенным дейктическим значениям глагольных форм» [1: с. 54–55], позволяя грамматическим формам времени выполнять художественную функцию, т. е. задействовать те формы времени, которые кажутся автору речи наиболее подходящими в рамках поставленных им задач, без потери реального временного плана, и как следствие — смысла. Семантическая классификация темпоральной лексики традиционно восходит к логико-интуитивному анализу лексики, где исследователь опирается или на слова, выражающие время, или на слова контекстуально передающие значение времени [4: с. 245].

При анализе были использованы методы классификации лексики, описанные В.В. Морковкиным. Для этого был отобран комплекс слов, выражающих значение точного времени, — слова, служащие для обозначения времени, употребляющиеся в качестве единиц измерения времени и выражающие так называемое определенное время, выраженное лексемами с семантикой определенной длительности [3: с. 89–91]. Лексемы данной семантической категории могут выполнять как роль субъекта действия, так и обстоятельственную роль.

Лексема «секунда» в тексте «Обломова» не употребляется ни разу. Это связано с ее достаточно поздним заимствованием из немецкого языка (XIX век). Лексема «секунда» в тексте «Обрыва» уже употребляется, но всего лишь два раза. Явственно проявляющееся коннотативное, качественное значение, приложенное к слову «секунда» во втором его употреблении (секунда необычна, она выделяется субъектом действия из прочих секунд), тем не менее еще не сопровождается устойчивой характеристикой. Сама частота употребления также указывает на то, что лексема еще не успела войти в совокупность художественных средств,

в частности — так и не стала привычным для Гончарова лексическим обстоятельственным конкретизатором времени. Словарь 1847 года определяет лексему «секунда» как «шестидесятую часть минуты», не выделяя никаких дополнительных значений, связанных со значением времени [5: с. 116], что вполне соответствует семантике употреблений в романе «Обрыв».

Лексема «минута» в тексте «Обломова» в общей сложности употребляется 75 раз и более всего склонна к утрате значения точной меры времени (4 случая употребления), в противовес приобретенному значению неопределенно короткого периода времени (50 случаев употреблений, например: «еще минута — и сознание улетело бы Бог знает куда»; «я сам через минуту Бог знает что дал бы...»). [2: Т. IV, с. 95, 209]). Словарь 1847 года выделяет несколько значений для лексемы «минута» [5: с. 305]: первое значение не имеет темпоральной характеристики и относится к шестидесятой части градуса круга; второе значение описывает «минуту» как шестидесятую часть часа, и наконец, третье значение определяет «минуту» как «самое короткое время», т. е. темпоральную лексему со значением сверхкраткости. Таким образом, употребление лексемы «минута» в «Обломове» в значении сверхкраткого периода времени соответствует языковой норме на момент написания романа, а употребление с утратой действительного компонента, вероятно, является результатом формирования в языковом сознании носителей языка того времени новых представлений о возможностях данной лексемы.

В тексте «Обрыва» она употребляется много чаще — 216 раз. По сравнению с текстом «Обломова», в тексте «Обрыва» заметно увеличение количества употреблений лексемы «минута» в значении периода времени больше чем сверхкраткий период времени. Заметно расширение ряда числительных, которые формируют значение неопределенного долгого периода времени (в добавление к выражениям «минут пять», «минуты две» добавляются выражения «минуты три», «минуты две, три», «минут десять», «минут двадцать», «минут семь»). Почти вдвое увеличилось количество употреблений слова «минута» с приложенными к нему

качественными характеристиками. Одним из наиболее часто употребительных методов для придания лексеме значения «приблизительности», «неточности» является ее употребление с предлогом «с» («с минуту»).

Словарь 1847 года дает три основных значения темпоральной лексемы «час» [5: с. 426]. Это, во-первых, «одна двадцатичетырехчасовая часть суток», во-вторых, «определенное к чему-либо (т. е. для чего-либо) время» и, в-третьих, «неопределенное продолжение времени», где выделяются частные значения, в том числе устаревшее значение «боевой час» (час от одного боя часов до другого), и «час» как неопределенно долгий момент времени, в том числе момент времени, равный историческому настоящему («сей час (же)'). Любопытно, что словарь не дает значений определенного момента времени на оси времени, привязанного к определенной системе отсчета, зато (в противоположность совокупности определений слова «минута») отмечает способность утраты временного дейктического компонента («в добрый час») [5: с. 426]. Тексты романов Гончарова реализуют значения определенного (точного) времени, определенного для чего-либо времени, момента на оси времени, периода на оси времени (в том числе и с качественной характеристикой).

Принцип разделения двух главных и противопоставленных друг другу случаев употребления значительнейшей части всех примеров темпоральной лексики, употребленной вместе с числительными, можно проиллюстрировать цитатой из романа «Обрыв»: «Напрасно я сказал так определительно — в десять **часов**, — подумал он, — надо бы было сказать **часов** в десять...» (*Полужирный шрифт мой.* — Е. Б.) [2: т. VII, с. 516]. Перестановка местами темпоральной лексемы и приложенного к ней числительного неизменно дает один и тот же результат — обретение сочетанием либо значения точного физического времени, либо значения «условного», «примерного», «неточного» времени. Подобная особенность фразеологии используется Гончаровым в качестве художественного приема: когда *она* просит зайти «часов в шесть», *он* после сидит и ждет «шести часов».

Из рассмотренных примеров следует, что темпоральная лексема «минута» в тексте Гончарова выходит за пределы собственно темпоральной семантики, приобретая качественные характеристики. В ряде примеров дейктический компонент лексемы «минута» ослабляется или вовсе утрачивается; чаще всего лексема при этом играет роль субъекта предиката. Как обстоятельство конкретизатор времени лексема «минута» употребляется гораздо чаще, но склонна утрачивать семантику точного времени. Формы множественного числа уступают формам единственного в частотности, исключение составляют примеры употребления лексем «минута», попавшие в блок «краткий момент времени, обладающий качественной характеристикой» («минуты счастья», «минуты торжественной тишины», «горькие минуты»), и лексем семантического типа неточного времени, употребляющиеся вместе с числительными («минуты две», «минут пять»).

Теорий, объясняющих столь быстро открывшуюся и реализованную в текстах Гончарова возможность присоединять к темпоральной лексике качественные характеристики (даже при отсутствии закреплённой в словаре нормы такого употребления), на данный момент не выдвинуто, однако мы полагаем, что здесь прослеживается влияние русского языкового сознания данного периода, очевидно, предполагающее наличие в семантике временных единиц качественного компонента.

Литература

1. *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики, темпоральность, модальность / под ред. А.В. Бондарко М.: Наука, 1990. 255 с.
2. *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. / ред. кол.: В.А. Котельников, Е.А. Краснощекова, Т.И. Орнатская, М.В. Отрадин, К. Савада, Н.Н. Скатов, П. Тирген, В.А. Туниманов. Т. 4. [Обломов: роман в четырех частях]. Т. 7. [Обрыв: роман в пяти частях]. СПб.: Наука, 1998.
3. *Морковкин В.В.* Опыт идеографического описания лексики, анализ слов со значением времени в русском языке. М.: МГУ, 1977. 168 с.
4. *Потаенко Н.А.* Темпоральная лексика как объект лингвистического изучения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1979. Т. 38. № 3. С. 242–248.

5. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук: в 4 т. СПб.: В тип. императорской Академии наук, 1847. 487 с.

References

1. *Bondarko A.V.* Teoriya funkcional'noj grammatiki, temporal'nost', modal'nost' / pod red. A.V. Bondarko. M.: Nauka, 1990. 255 s.

2. *Goncharov I.A.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 t. / red. kol.: V.A. Kotel'nikov, E.A. Krasnoshheikova, T.I. Ornatskaya, M.V. Otradin, K. Savada, N.N. Skatov, P. Tirgen, V.A. Tunimanov. T. 4. [Oblomov: roman v chety'ryox chastyax], T. 7. [Obry'v: roman v pyati chastyax]. SPb.: Nauka, 1998.

3. *Morkovkin V.V.* Opy't ideograficheskogo opisaniya leksiki, analiz slov so znacheniem vremeni v russskom yazy'ke. M.: MGU, 1977. 168 s.

4. *Potaenko N.A.* Temporal'naya leksika kak ob''ekt lingvisticheskogo izucheniya // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz. 1979. T. 38. № 3. S. 242–248.

5. Slovar' cerkovnoslavyanskogo i russskogo yazy'ka, sostavlenny'j Vtory'm otdeleniem imperatorskoj Akademii nauk: v 4 t. SPb.: V tip. imperatorskoj Akademii nauk, 1847. 487 s.